

© 2019 И.А. БЕСКОВА

САМОТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Бескова Ирина Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем творчества. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: irina.beskova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена самотрансформации человека в процессе порождения всецело новых смыслов, не представленных в исходно имевшихся концептах даже в форме зародыша. Констатируется методологический парадокс: если появляющееся знание не содержится в предыдущем уровне представленности, то как возможно рождение чего-то из ничего? Если же это знание на предыдущем этапе все-таки уже присутствует в какой-то форме, то его нельзя назвать всецело новым: это, скорее, развитие имеющегося. Парадокс разрешается с помощью анализа природы смыслов в пространстве целостной человеческой экзистенции. Такой анализ позволяет увидеть, что ключевую роль в процессе порождения новых смыслов играет самотрансформация личности исследователя — его отход от позиции внешнего стороннего наблюдателя по отношению к наличествующей проблемной ситуации и переход к самоотождествлению с ней. Выявляются принципиальные трудности, неотделимые от попыток репрезентировать недualьные целостные феномены инсайтного мышления с помощью принципиально dualьных средств анализа, таких как категориальное мышление и есте-

ственный язык. Из-за ориентированности этих последних на устойчивое, воспроизводимое, всеобщее в человеческой практике они оказываются не слишком эффективными в качестве инструмента создания и описания неповторимого.

Ключевые слова: творчество, смысл, эволюция, недualность, исследовательская позиция, новизна, целостность, самораскрытие.

Ссылка для цитирования: Бескова И.А. Самотрансформация личности в творческом процессе // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 50–60.

DOI: 10.31857/S023620070005379-3

И.А. Бескова
Самотрансформация личности
в творческом
процессе

Введение

В данной статье творчество рассматривается как исследовательский процесс: исследование себя, исследование проблемной ситуации, исследование поля существующих решений творческой задачи — иными словами, как такая форма взаимодействия человека с предметом его интереса, в которой ключевую роль играет установка субъекта по отношению к материалу. При этом особое внимание обращается на трансформацию личности субъекта-«исследователя» — его постепенное «врастание» в предмет. Реперными точками изучаемой динамики могут выступать сменяющие друг друга позиции: сперва «Вот Я, а вот Оно», где «Оно» — это нечто внеположное «Я» и противопоставленное ему; затем отношение наподобие кипплинговского «Мы с тобой одной крови, ты и я!»; и, наконец, позиция глубинной отождествленности с предметом интереса: «И это тоже Я». Такие содержательные изменения исходной исследовательской установки (чаще всего неосознаваемые), с одной стороны, сопровождают самотрансформацию личности, являются ее проявлениями, с другой — сами обуславливают ее.

Но сначала несколько слов о том, как я здесь буду понимать творчество и что в свете такого понимания удастся раскрыть в процессе творческого самопреобразования личности.

Если рассматривать творчество как созидание новых смыслов, значимых с социальной, личностной, духовной и культурной точки зрения (а такая исходная позиция достаточно логична для философского анализа обширнейшей темы творчества [см.: 6; 7; 1; 5]), то сразу возникает вопрос о специфике этого процесса. И, в частности, вопрос о том, на каком этапе такого созидания рождается новое? Что для этого требуется? Как вообще возможно рождение нового, того, чего нет в имеющемся? В результате каких видоизменений из наличествующего Ничто может родиться ныне не представленное Нечто?

Если новое содержание *выводится* из того, что *уже есть* в пространстве явленного, то это не новое, прежде никогда не существовавшее, а лишь результат развертывания уже имевшегося

Какими же особенностями характеризуется этот процесс?

52

Недуальность не имеет существования в мире разделенного, **яв-**ленного (от «явь»). Можно сказать, что недуальное бытие — это такая форма нового содержания, которая не имеет готового выражения в мире сегментированного, конечного, диссоциированного. Про-**яв-**ляется оно в результате своего рода методологического аналога процедуры измерения в пространстве квантовых взаимодействий: субъект занимает по отношению к нему позицию внешнего наблюдателя, определенную выше как «Вот Я, а вот Оно/это/другое». При этом *само пространство взаимодействия* превращается в двойственное, подвергается диссоциации. Из мира неделимости и неразделенности субъект переходит в мир разрозненного, изолированного, существующего как бы «само по себе». В качестве аналога такого процесса можно указать вызревание плода в период беременности: пока он находится в утробе матери, изолированно в мире явленности он не существует. Подобным же образом становящийся, вызревающий смысл в состоянии чреватости творческого ума идей еще не реализован в пространстве диссоциированных про-**яв-**лений отдельно от сознания своего носителя. Реально представлено только *состояние* (беременности/чреватости идей), но не изолированные, самостоятельно существующие данности («мать» и «дитя», «творец» и «идея»). Рассматривать их по отдельности, как составные части недуальной целостности «мать — дитя» или «творец — идея» мы вынуждены лишь потому, что категориальный аппарат мышления не может описать недуальность. На самом же деле в состоянии целостности нет изолированных существований. Более того, само появление возможности изолированного существования «составляющих» в пространстве недуальной целостности ведет к прекращению состояния становления (беременности/чреватости). Недуальное бытие имеет место до тех пор, пока раздельное, изолированное, самостоятельное существование начал, выделяемых с позиции внешнего наблюдателя (мать и дитя, творец и его идея), не реализовано, и прекращается, как только выделяемые вербально-ментально «составляющие» (на самом деле невозможные в этом состоянии как независимые данности) обретают изолированное существование в мире дискретного, — в пространстве **яв-**ленного.

Впрочем, исследователь, заняв позицию внешнего наблюдателя, в любом случае должен выделять их в языке, в мысли, чтобы как-то их репрезентировать. О характере подобного искажения хорошо сказано у Р. Лэнга: «Неудовлетворенность психиатрическими и психоаналитическими терминами довольно часто встречается — и не в последнюю очередь среди тех, кто ими пользуется. Повсеместно ощущается, что терминам психиатрии и психоанализа почему-то не удается выразить то, что “действительно подразумевается”». Но одной из форм самообмана является то, что можно говорить одно, а думать другое... Короче, мы уже разбили Шалтая-Болтая, которого нельзя собрать вновь с помо-

И.А. Бескова
Самотрансформация личности
в творческом процессе

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

щью любого количества сложных и составных слов: психофизическое, психосоматическое, психобиологическое, психопатологическое, психосоциальное и т.д. и т.п.» [3, с. 8–10]. Иными словами, как я уже отмечала, изначальное разбиение универсума на противопоставленные основания не удастся компенсировать никаким их последующим поверхностным, формальным, вербально-ментальным объединением в целостность. Но другого инструмента в нашем распоряжении нет, и приходится искать средства, позволяющие максимально адекватно выразить недואльное, опираясь на дуальные ресурсы репрезентации и анализа.

Таким образом, следует отличать *состояние недואльной целостности* — оно лишь вербально-ментально представимо как объединенность «составляющих» начал, которых в нем на самом деле нет, от *суммативной объединенности*, которая только в вербально-ментальной репрезентации предстает как целостность, на самом же деле таковой не является. Да и в этой последней форме она существует лишь в пространстве нашего сознания, поскольку составляющие ее начала не утрачивают самостоятельного существования: они *не* исчезают из мира явленности, *не* «выпадают» из него в пространство бытия. Как следствие, в пространстве бытия не возникает новая, прежде не имевшая места целостность, способная послужить вмещилищем вызревания и рождения подлинно нового смысла.

Яркий и самобытный философ и культуролог Г. Гачев, описывая природу творчества, различал две формы процессов созидания нового: как *рождения* («гония») и как *делания* («ургия»). Опираясь на это разграничение, он выделял культуры, которые предрасположены к разным видам творчества: «Культуры и миропонимания различаются тем, как они понимают происхождение мира и всего в нем. Порождены они Природой или сотворены Трудом? Генезис или Творение? Для мирозерцания Эллады типичен взгляд на все как на порождаемое: Теогония и Космогония. Для иудеев характерен креационизм: Творение мира Богом за 7 дней. Эти принципы я обозначаю терминами ГОНИЯ и УРГИЯ. Первое от греч. *gone* = рожаемое, того же корня, что и «ген», и обозначает то, что порождено природой, возникает естественно. Второе — от греческого суффикса деятеля *ourgos*, означающего «труд», «работу», как в слове «демиург» (творец, труженик, ремесленник) ... «Ургия» — это искусственное сотворение, создание трудом, понимаемое как первоценность в сравнении с бессознательным рождением Природы» [2, с. 21].

На мой взгляд, именно *становление*, вызревание нового смысла как трансформирующееся недвойственное состояние целостности вынашивающей системы соотнесено с режимом творения как рождения (аспект гонии). *Развитие* смысла соотнесено с режимом делания (ургии), когда степень объединенности вза-

имодействующих начал не достигает уровня их недвойственной целостности, и новый смысл не может быть получен в процессе творческой самотрансформации последней. В таком случае именно развитие уже заложенного в имеющемся знании содержания способно привести к рождению новых смыслов.

И.А. Бескова
Самотрансформация личности
в творческом процессе

Смысловая динамика творческой отождествленности с предметом интереса

В состоянии, характеризующемся отсутствием барьеров, границ между воспринимающим и воспринимаемым, человек получает возможность знать-постигать природу имеющегося в прямом непосредственном усмотрении, как составную часть собственных внутренних динамик. Это знание не проходило цензуру сознания, а потому в нем не представлены стереотипы само- и миропонимания, ослаблено действие доминирующих установок. В этом режиме нет ранжирования воспринятого: главное и второстепенное, существенное и несущественное, допустимое и запрещенное не выделяются.

И, пожалуй, самое важное: в состоянии недuality целостности с объектом интереса человеку становится доступен иной пласт содержаний: содержания/смыслы, выражающие и само это состояние, и форму, в которой в подобном состоянии осуществляется восприятие, что помогает выйти за пределы противопоставленности различных противоборствующих начал. Это особенно важно, потому что все теоретические концептуальные представления — плод трансформации реальности умом человека, производящим многочисленные преобразования данных: анализ и синтез, абстрагирование, идеализацию и обобщение, сравнение, выдвижение гипотез и выведение следствий и т.п. Все это совершается с позиции вынесения себя за скобки процесса, отношения к воспринимаемому как отношения «Я» к «Оно», к «иному», «инаковому». Такая позиция делает невозможным прямое непосредственное усмотрение природы происходящего в собственном пространстве репрезентации и переживания явленного. Поэтому инструментами решения задач выступают методы проб и ошибок, ментального моделирования, экспериментально-лабораторного исследования интересующего феномена, как чего-то в личном опыте не данного, не выразимого. Усеченные трансформированные смысловые конструкторы, рождающиеся в этих преобразованиях, являются воплощением взгляда на мир с позиции «Вот Я, а вот Оно/это/другое», представляя, своего рода, верхушку айсберга. Можно сказать, что смыслы, которыми мы оперируем в рамках концептуальных построений, — это то всеобщее, что человеческий ум усмотрел с общей позиции противопоставления себя всему остальному миру как наиболее воспроизводимое,

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

признаваемое существенным, правильным и заслуживающим доверия. И откуда возьмется шанс на формирование собственной нестандартной позиции, — ведь практически все личностное, неповторимое, необычное и спонтанное в нашем подходе стерто?

Напротив, опыт недвойственного само- и мироощущения мирозидения, который закладывался в детстве, когда Я-позиция еще не сложилась, и в спонтанно возникающих или преднамеренно культивируемых состояниях недвойственности (медитация, стопроцентная концентрация, поглощенность предметом интереса), — такой опыт дает возможность набирать дополнительные очки в гонке за креативным, творческим. Именно объемность своеобразного, подлинно неповторимого, личностно пережитого опыта можно назвать глубинной основой *ощущаемых* смыслов.

И, наконец, недуюальному режиму становления, вызревания нового смысла соответствуют не только недуюальные содержания сами по себе, но и альтернативные пути трансформации эмерджентно возникающей целостности «человек — проблемная ситуация». Это больше не две самостоятельные данности, а единая, ранее не существовавшая, целостность: сиюминутный человек и сиюминутное о-смысл-ение им материала в состоянии глубинной личностной отождествленности с последним. Подобная эмерджентно рождающаяся целостность подлинно уникальна и неповторима. Как следствие, смыслы, возникающие в ходе ее эволюции, будут также *всецело новыми*. В пространстве недуюального становления-вызревания смыслов это саморождающееся, полностью и абсолютно новое бытие самой своей глубинной укорененностью в логике и истории недуюального личностного опыта человека делает возможным и вероятным возникновение всецело новых смысловых коннотаций даже того, что уже давно всем известно.

Поскольку процесс творчества в глубинной своей основе недуюален, рождение нового смысла неотделимо от трансформации собственной природы творца: примерив на себя паттерны возможных состояний своей новой целостности с предметом интереса, он, тем самым, присваивает данные паттерны, причем это происходит на разных этапах трансформации вновь рожденного целого в ходе осмысления материала с позиции недуюальности. При этом, исчезая из мира проявленного и рождаясь в пространстве недуюальных взаимодействий с идеей, человек необратимо трансформирует себя самого. Реализовав установку на снятие границ между собой и предметом интереса, он существенным образом меняет и собственную природу: пространство личностных смыслов обогащается новыми пластами ассоциаций, которые рождены в акте растворения в предмете интереса, недуюального отождествления с предметом интереса, когда человек, можно сказать, *становится* тем, на что направлена вся полнота его внимания. Вот как об этом пишет Д.Т. Судзуки: «Можно задаться вопросом, как художник углубляется в дух изображаемого?

(речь идет об изображении гибискуса — И.Б.) Секрет в том, чтобы стать растением. Но как человек может стать растением? ... На практике это достигается посредством интроспективного рассмотрения растения. При этом сознание должно быть полностью свободно от субъективных эгоцентрических мотивов. Оно становится созвучным Пустоте, или *таковости*, и тогда человек, созерцающий объект, перестает осознавать себя отличным от него и отождествляется с ним. Это отождествление дает возможность художнику чувствовать пульсацию жизни, которая проявляется одновременно в нем и в объекте. Вот что имеют в виду, когда говорят, что субъект теряет себя в объекте и что не художник, а сам объект рисует картину, овладевая кистью художника, его рукой, его пальцами» [8, с. 43–44]. Этот необычный механизм трансформации природы воспринимаемого может реализоваться лишь в состоянии недualьной отождествленности человека с предметом интереса, когда вся полнота внимания сосредоточена в мгновении «здесь и теперь». Именно в этом случае и в этом состоянии переживание самости, ощущение собственной отграниченности от всего прочего как от методологического «другого» растворяется.

И.А. Бескова
Самотрансформация личности
в творческом
процессе

Природа личностной динамики в творчестве

Попробуем исключить из рассмотрения те составляющие трансформации личности, которые связаны с внешними последствиями творческого достижения, например получение вознаграждения или столкновение с неконструктивной критикой, и оставим лишь то, что непосредственно связано со спонтанным изменением личности в ходе развертывания творческого процесса.

В обычных условиях личность ограждена от немедленной самотрансформации под влиянием всякого нового опыта защитным барьером самости и позицией «Я — Оно». Но в состоянии недualьности, которое наступает в режиме полной поглощенности человека предметом интереса, данный барьер преодолевается и все, что составляет содержание разворачивающегося взаимодействия, оказывается прямо и непосредственно соотнесено с глубинной структурой личности. В таком режиме приобретенный опыт превращения себя в средство самовыражения изучаемого материала, осмысливаемой проблемы или решаемой задачи, а также полученная в результате этого опыта репрезентация Другого в собственных внутренних динамиках сразу и непосредственно становятся составной частью личностных схем упорядочения опыта.

Когда снимается барьер исходной противопоставленности тому, что оказалось в фокусе внимания человека, пространство взаимодействия с наличным бытием изменяется. Теперь уже не только человек проявляет активность в поиске решения стоящей

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

перед ним задачи, но сама проблемная ситуация как бы стремится к тому, чтобы быть выраженной, обрести представленность ресурсами человеческой экзистенции, избавиться от исходной дисгармоничности и неустойчивости. И тогда человек обретает способность находить решения, фактически, *не отыскивая их, не трудясь над ними* (вспомним у Г. Гачева: творение нового по типу *ургии* — делания, от *ourgos* — труд, работа, демиург), как бы самопроизвольно (ср.: творение по типу *гонии* — *рождения* нового). Для стороннего наблюдателя, занявшего по отношению к происходящему позицию «Я — Оно», это может выглядеть как случайность, даже некая несправедливость («ситуация Моцарта и Сальери»). И люди чаще всего не подозревают, что это каким-то образом может быть связано с общим модусом направленности личности.

Таким образом, если смотреть на этот процесс изнутри, то он предстает как проявление большей зрелости личности, приобретающей способность создавать всецело новые смыслы (в любой форме их выражения). Эта *большая зрелость* проявляется в склонности подходить к имеющемуся с позиции «И это тоже Я», что, на мой взгляд, выступает методологической версией регулятивов «Не судите, да не судимы будете» и «Какой мерой мерите, такую же и вам отмерено будет».

Однако для занятия такой базовой позиции от личности требуется не только достаточно высокая зрелость, но и немалое мужество. Ведь со снятием барьеров, ограждающих личность от отождествления с воспринимаемым, во внутренний мир человека устремляются и все те содержания, которые — в описанном в статье смысле — ищут возможность выразиться через способного гармонизировать их состояние человека. И этот опыт может быть достаточно травматичным, трудно переносимым. Как, например, опыт самоотождествления с проблемной ситуацией, которой обычно присущи неполнота, противоречивость, незавершенность, неопределенность. Пребывание в ситуации неопределенности человек выдерживает с большим трудом. Электроэнцефалограмма в этом случае показывает активизацию тех же структур мозга, что и при физической боли [4]. А при взаимодействии с противоречивой информацией большинство людей, как оказалось, предпочитают совершенно нелогичную стратегию простого отбрасывания одного из компонентов противоречащих данных. При этом выбор осуществляется на основе априорных личностных установок, а вовсе не размышлений или анализа [9]. Так что привести себя в состояние готовности к творческому взаимодействию с оказавшимся в фокусе внимания, решимости снять барьер между собой и миром, — совсем не тривиальная задача, действительно требующая личностного мужества и зрелости.

Подводя итог, следует отметить, что структура личности неизбежно меняется в процессе реализации творческого потенциала человека, претерпевая, с одной стороны, количественную трансформацию (как итог приобретения более богатого и разнообразного опыта), с другой — качественную: привычку к установлению режима «И это тоже Я» в отношении к воспринимаемому. Предрасположенность и готовность именно так смотреть на мир и на себя самого глубинно трансформирует личность, влияя на ее базовые установки, уменьшая склонность к поспешным и слабо обоснованным выводам, ригористичным и предвзятым суждениям. При этом возрастают многомерность, многоцветие (вместо членения реальности на черное и белое) и наполненность того мира, в котором личность себя обнаруживает. В этом смысле можно сказать, что творчество для человека — не только инструмент продуцирования инноваций, что само по себе ценно в мире ускоряющегося научного развития. Оно глубоко ресурсно и значимо в личностном плане.

И.А. Бескова
Самотрансформация личности
в творческом процессе

Литература

1. Бескова И.А., Касавин И.Т. Творчество // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 954.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008.
3. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик; М.: ИЦ «Академия», 1995.
4. Млодинов Л. (Нео)сознанное: Как бессознательный ум управляет нашим поведением. М.: Livebook, 2012.
5. Моркина Ю.С. Поэтическое творчество: философский анализ. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2017.
6. Смирнова Н.М. Творчество как процесс созидания новых культурных смыслов // Философия творчества. М.: ИФРАН, 2015. С. 63–78.
7. Смирнова Н.М., Демченко Л.М. Творчество как процесс созидания смыслов // Творчество: эпистемологический анализ. М.: ИФРАН, 2011. С. 91–113.
8. Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев: София, 1996. С. 43–44.
9. Posner M. Cognition: An Introduction. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1973.

Self-transformation of personality in the creative process

Irina A. Beskova

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Philosophical problems of Creativity department.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: irina.beskova@mail.ru

DOI: 10.31857/S023620070005379-3

9. Posner M. *Cognition: An Introduction*. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1973.